

встреч «государей» независимо от симпатий народа к данному «монарху». «Всенародная радость» (равно как и «всенародная скорбь» по поводу смерти князя) отвечала собственным монархическим воззрениям Татищева. И естественно, что при такой идентификации описаний историк в определенном смысле лишал известия летописей индивидуальных черт, что не могло не привести в некоторых случаях к искажениям фактов (как, например, в рассказе о Святополке).

Вероятно, и в действительности в древней Руси существовал особый обряд, например встречи великого князя, и трафаретные летописные формулы являются в данном случае лишь словесным выражением жизненно реального этикета.<sup>39</sup> Столь пристальное внимание Татищева к описанию обычаев в истории объясняется не только стремлением восполнить лаконичные записи источника, но и тем интересом, который проявлял Татищев в жизни к народному быту, обычаям и нравам.<sup>40</sup> Но все же необходимо еще раз подчеркнуть, что все указанные добавления, введенные в текст Ипатьевской летописи, основаны не на дополнительных источниках, а на собственном понимании Татищевым древней истории России.

Как уже было сказано, все дополнения связаны в основном со стремлением Татищева сделать тексты летописи более ясными, доступными для современников, не очень-то искушенных в чтении древнерусских памятников. Это стремление выявляется и во вводе описания мотивов поступков людей, реальных подробностей. Татищев как бы отвечал на вопросы, которые возникают при чтении скупых летописных записей, во всех трех разобранных случаях представляющих собой лишь краткую информацию о событиях. Историк как бы стремится преодолеть дневниковость летописи. Преодоление это идет по двум линиям: во-первых, Татищев как бы восполняет «недостаточность» самого факта, только названного источником, посредством ввода объяснений, детализации. Во-вторых, историк стремится связать друг с другом набор фактов летописи (и мотивировкой событий, и посредством специальных связей). В летописи подряд, но без особой связи даны два факта: поход Владимира и бегство половцев. У Татищева же второе событие определено ставится в зависимость от первого, точно так же, как и сам поход Мономаха обуславливается приходом половцев, и т. д. То же можно видеть и в рассказе о встрече Мономаха. В летописи приход князя и встреча его как бы оторваны друг от друга, даны сами по себе. Татищев сближает их, указывает на обусловленность второго (встречи) переходной фразой («и когда приблизился...»). В «Истории» одно действие вы-

<sup>39</sup> См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 84—108.

<sup>40</sup> См.: А. Пыпин. Русская наука и национальный вопрос в XVIII веке. — Вестник Европы, 1884, кн. 6, стр. 573—581.